

**Тихая музыка
за стеной**

ТИХАЯ МУЗЫКА ЗА СТЕНОЙ

Повесть

Когда Ариадна появилась на свет божий, ее маме Лизе было двадцать лет, бабушке — сорок пять лет, а дедушке — шестьдесят.

Все любили всех: дедушка и бабушка обожали друг друга, души не чаяли в своей дочке Лизе, и все хором полюбили новую девочку Ариадну. Так звали дедушкину маму графиню Ариадну Шереметьеву.

Дело в том, что дед и бабка — из бывших. Их предки происходили из богатого и знатного рода. Этот род продолжался бы и дальше, но его прекратила революция семнадцатого года.

Дед тщательно скрывал свое происхождение. Он был вынужденный конформист. Обнаружить правду в те годы значило потерять жизнь. А жизнь больше правды. Правда — составляющая жизни. Если теряешь саму жизнь, кому нужна твоя правда? Правда — это только слова, а жизнь дается Богом, и только Бог может ее отменить. К тому же деду нравилось жить независимо от социального строя и от такого понятия, как справедливость.

В юности дед пел: «Боже, царя храни», в зрелости приходилось петь: «Вышли мы все из народа». И ничего. У деда был хороший слух и красивый голос. Его ставили запевалой.

Родители бабушки были помещики. После революции бабушка говорила, что они агрономы. Врала, но не полностью. Хороший образованный помещик разбирался в сельском хозяйстве, являлся в какой-то степени агрономом. Фамилию Шереметьев сократили на треть. Получилось Шеремет. Вполне рабоче-крестьянская фамилия.

Ариадну записали Шеремет, поскольку родного отца не имелось в наличии.

Когда-то он, конечно, был, но его выдворили из семьи как простолюдина.

Позже Ариадна узнала, что папашу звали Алик и что он каждый раз, садясь за стол, занимал место дедушки. Бабушка возмущалась и говорила: «Сядьте на свое место», на что Алик удивленно поднимал брови и спрашивал: «А разве не все равно, где сидеть?»

Бабушка тяжело вздыхала. Она понимала, что в семье Алика не было традиций, а сам Алик без рода без племени. Есть он тоже не умел, в смысле — не умел пользоваться приборами, жевал слишком быстро, как будто боялся, что у него отнимут. Чай пил из блюда, тянул, как из лужи.

Алик любил посещать баню, но после бани надевал нестираную рубаху, и от него неизменно пахло потом. Бабушка предоставляла ему чистую глаженую рубашку, но Алику жалко было использовать такую красоту, мять и грязнить, и он надевал старую. В сущности, скромный был человек. Однако Шереметьевы его не оценили, а Лиза своего голоса не имела. Вообще-то, имела, конечно,

но он был слишком слабый на фоне бабушкиного авторитарного вопля. Графиня — она графиня и есть.

Лиза в те поры была студентка консерватории. Голос — как у ангела. Когда она пела, бабушка плакала. Не могла сдержать слез любви и восторга. Все ждали, что Ариадна (сокращенно Ада) тоже будет петь. Но оказалась глухая. Гудок.

Ада росла в неполной семье, без папы. Но при наличии такой бабушки никакого папы и не требуется.

Бабушка следила за обучением, за воспитанием, за питанием. Обучала хорошим манерам: правильно сидеть, держать спину, есть с закрытым ртом, не перебивать взрослых, не задавать вопросов, не рассказывать о себе, когда не спрашивают, не считать партнера глупее себя, не хлебать щи лаптем — это значит не снисходить до нижестоящих, держать дистанцию. Следить за модой, но не быть смешной, не надевать на себя откровенной дешевки.

Сама бабушка носила на пальцах семейные бриллианты, никогда не снимала. Украдут. Руки ее постоянно пребывали в воде, то стирали, то чистили овощи. Руки перестали быть холеными, пальцы раздулись от воды и от возраста, но бриллианты не менялись и продолжали стрелять синими огнями. При зажженном свете они переливались всеми цветами радуги — видимо, бриллианты имели безукоризненно качественную огранку.

Бабушка следила за учебой Ариадны, навещала школьных учителей, ничего не пускала на самотек.

Однажды она увидела, что у Ады в четверти пятерка по пению. Как это понимать? Гудок, поет мимо нот, и вдруг — отлично. Это проявление попустительства и несправедливость. То же самое, как за знание поставить два. Такое «пять» может извратить понимание ребенка о своих возможностях.

Бабушка отправилась к учительнице пения и спросила:

— За что вы поставили моей внучке «отлично»?

Сильно немолодая учительница вытаращила страдальческие глаза и объяснила:

— Они все так ужасно ведут себя на уроках. Скачут, орут. А ваша Ада сидит и молчит.

Значит, не за пение, а за молчание. За тихость. За скромность. За правильное поведение. Весь класс мучит слабую старушку, издевается. А тактичная девочка сочувствует. Со-чувствие — драгоценная черта, такая же, как со-страдание, со-участие. Чувствовать другого человека как себя. Обратная связь. Такое не воспитаешь. С этим надо родиться.

Бабушка деликатно настояла на оценке «три». Не два, конечно, но и не пять.

Учительница жалко моргала редкими ресницами. «Зачем она работает?» — подумала бабушка. Но вслух ничего не сказала. Вокруг так много было необъяснимого «зачем».

Лиза (мама Ариадны) после консерватории попала в Большой театр. Театр находился неподалеку от дома, можно было добежать пешком, минуя общественный транспорт.

Ада любила Большой театр за его торжественную роскошь, за сочетание золота с красным бархатом. И еще ей нравилось обилие музыки: целая яма для оркестрантов и полная сцена голосающих артистов, и все вместе они красиво вопят, прорезают пространство высокими звуками. А публика — нарядная и причесанная, слушают благоговейно. Во время антракта не вскакивают, а поднимаются бесшумно, двигаются с достоинством, потом аккуратно садятся.

Ада замирала вместе со всем залом. Она была частью зала, частью человеческого сообщества, и это причастие наполняло ее смыслом и гордостью. Пусть у нее нет слуха, но зато есть место в зале для избранных. Первый ряд, кресло номер шесть.

Ада бегала в Большой театр как к себе домой. Ее знали все билетерши и легко пропускали. Она садилась в свой первый ряд, там всегда были свободные места. Оказывается, первый ряд не считается лучшим. Слишком близко к сцене.

Однажды Ада прибежала в валенках. На улице таяло. Валенки промокли, и на коврах Большого театра оставались темные, влажные следы.

Большой театр — помпезный, красно-золотой, с царской ложей, и вдруг — валенки и следы на коврах. Но это не все.

Ада просидела всю оперу «Аида» с мокрыми ногами, простудилась и заболела ангиной, с последующим осложнением на сердце. Осложнение называлось «ревмокардит». Клапан сердца слегка деформировался. Образовался систолический шум.

Бабушка буквально сходила с ума, кляла себя за тот трижды проклятый день, когда она выпустила внучку в валенках при нулевой температуре. Теперь у ребенка порок сердца, а сердце — это самый важный орган, необходимый на всю жизнь. Сердце качает кровь, сердце любит, в конце концов.

Аду освободили от физкультуры. Мать и бабушка тряслись над ней, не разрешали поднимать больше двух килограммов, и только дед был беспечен: ничего, вырастет.

И действительно выросла.

Шум в сердце остался, но едва прослушивался. Порок считался компенсированным, ничему не мешал.

Ада оказалась влюбчивой барышней, постоянно в кого-то влюблялась, каждый раз навсегда. А в двадцать лет выскочила замуж за студента медицинского института Осю по фамилии Мороз. Стала Ариадна Мороз. Тоже неплохо, хотя Ариадна Шеремяева лучше.

Ося специализировался на хирургии. Хирург — это мужская профессия. Только настоящий мужчина может решиться на ремонт человеческой машины.

Мирка завидовала Аде по всем пунктам и иногда даже плакала от зависти. Нормальное дело в женской дружбе. Плакала открыто, не скрываясь. Сидела, подпершись, и снимала слезы со щек тонкими кривоватыми пальцами. Ада сочувствовала, но помочь ничем не могла. Не отдаст же она своего мужа Осю — такого умного и дельного. Ада высоко

ценила своего Осю и, как чеховская Душечка, разделяла все его принципы. А именно: не брать денег у родителей, зарабатывать самому. Деньги — это свобода. Бедность унижительна. Далее: личные интересы выше общественных.

В семидесятые годы проповедовали как раз наоборот: общественное выше личного, и в результате — ни первого, ни второго. Ося не поддавался рабской идеологии. У него была своя точка зрения.

Когда через пятнадцать лет пришла перестройка, Ося вписался в нее легко и стремительно. Ему не пришлось перестраиваться и терять на это время. Ося открыл частную клинику, но это все потом, а тогда... Тогда едва наскребли на кооперативную квартиру. Основная еда — картошка с мясом. Котлеты с макаронами. На праздники — холодец и салат оливье.

Ада училась в МГУ на филологическом. Там учились все те, кто не знал, чем в жизни заняться. Просто получали высшее образование, а там будет видно. Можно писателем, можно учителем, можно журналистом в газете.

У Ады не было никаких ярко выраженных талантов, кроме таланта нравиться. Она нравилась всем без исключения: молодым и старым, умным и глупым, кошкам и собакам, военным и штатским.

У Ады не было особых пристрастий. Она хотела любить и быть любимой. И больше ничего.

Бабушку это расстраивало. Она мечтала вырастить яркую личность с лидерскими замашками. Дедушка с ней не соглашался. Дедушка считал: если человек утром проснется и у него хорошее настрое-

ние — значит, он состоялся. Умение радоваться каждому дню — вот смысл жизни. Это от Бога, а все остальное от человека, и умение любить — это тоже талант.

Не все умеют. Далее: Ада красива и обаятельна. Обаяние — это душевный талант. А красота — это талант природы. Не одно поколение Шереметьевых трудилось и отбирало, чтобы создать такой экземпляр. Чего еще желать?

Иногда Аде казалось, что она маловато любит Осю, и тогда она начинала клясться ему в любви, как будто хотела словами пополнить недостающее чувство.

Ося внимал ее признаниям, но без особого волнения. Невозможно же всю жизнь трепетать как в первый раз. Ося выслушивал молча и благосклонно. Любишь? Очень хорошо.

— А ты? — допытывалась Ада.

— И я, — постно отвечал Ося.

Скучно. Но что делать?

Анна Каренина не вынесла такого перехода страстей на другой уровень. Бросилась под поезд. А Ада забеременела и родила мальчика.

Роды оставили у нее отвратительное воспоминание: кровь, непереносимая боль, страх, — и все на фоне казенного дома, равнодушных врачей, бурчащих нянечек. Однако ушла из роддома не одна, а с сыночком. Ося нес ценный груз на руках, а следом шлейф родни.

Родня Оси явилась в полном составе. Наследник. Приготовили мальчику имя: Иуда.

— Вы шутите? — спросила мама Лиза.

— Нисколько, — ответил папа Оси.

— Иуда — хриstopродавец, — напомнила бабушка.

— Иуда давно реабилитирован церковью, — возразила родня. — К тому же он раскаялся, повесился на осине.

— Его в школе задразнят, — испугалась Лиза.

— Когда мальчик вырастет и пойдет в школу, сволочей не будет, — объявил папа Оси.

— Сволочи были, есть и будут. Всегда, — категорически заявила мама Оси. — Зачем усложнять ребенку жизнь? Желающие усложнить ему жизнь найдутся и без нас.

— Пусть будет Марк, — предложил компромиссный дедушка Ады. — Красиво и международно.

На том и остановились. Марк Осипович. Неплохо.

Первый год жизни Марка оказался трудным. Пожалуй, самым трудным в жизни Ады. На няньку не было денег, да и няnek в те годы не существовало. Наемный труд появился в девяностые, после развала Союза. А в семидесятые обходились своими силами.

Мальчик плохо спал, просыпался через каждые два часа. Ада спала как на вахте. Только провалитесь в сладкое забытье, ребенок начинал кряхтеть и вытягивать из сна.

Днем тоже спать не удавалось. Ося уже работал, и его по восемь часов не было дома. Мама пела в опере: репетиции, спектакли, личная жизнь с первой скрипкой по имени Фима. Фима обещал уйти

от жены, но медлил. Говорил: «Давай не будем торопиться».

Бабушка плохо ходила, болели колени. А от деда какая польза? Только погулять с коляской. Раз в неделю. Не будешь ведь каждый день ездить на другой конец Москвы.

Ада ждала Осю, чтобы скинуть на него ребенка и поспать. Но Ося торопливо ел и норовил куда-нибудь сдрыснуть (выражение подруги Мирки), то есть метнуться в сторону, как таракан из-под ладони.

Ося любил сына, но ему хотелось пожить своей жизнью, почитать медицинскую литературу, посмотреть телевизор, просто подумать, в конце концов. У Ады все время было забито ребенком, и никуда не денешься, женская доля. Малыш без тебя пропадет — такой зависимый и драгоценный. Сокровище.

О том, что ребенок — сокровище, Ада осознавала в редкие минуты, когда Марик спал и сосал во сне палец. А все остальное время — отупляющий конвейер, одно за другим: кормить, гулять, купать плюс нечесанные волосы и резь в глазах от постоянного недосыпа.

Родня Оси участвовала в воспитании внука телефонными звонками и подарками к празднику. Живого времени у них не было.

Мама Оси (Фира) любила своего мужа Давида Марковича, как в молодые годы, и даже смущенно признавалась: «Я люблю своего старика. Это смешно. Да?»

— Почему смешно? — лукавила Ада. Ей, конечно же, было смешно. Старуха говорит о любви. Хотя у Фиры были красивые глаза — длинные, зеле-

ные, с тяжелыми веками, как у крокодила. Она была статная, не толстая, но все равно старуха. Под шестьдесят.

Ада еще не знала: если человеком восхищаешься, любовь не проходит. Достойную личность можно любить всегда.

Фира была благодарна Давиду Марковичу за многое: за сына Осю, за то, что не бросил, не отвлекся на другую женщину, за то, что обеспечивал, создавал достойный материальный уровень, за то, что прощал ей (Фире) легкие прегрешения. Фира пользовалась успехом у мужчин, и она им пользовалась, но никогда не предавала семью. И Давид Маркович не предавал. Зачем разрушать комплект — так считал Давид Маркович. А комплект — это Фира, Ося и он сам.

Как говорил один хороший писатель: «По-настоящему люди любят друг друга в старости». Шестьдесят лет — не старость, но игры сыграны. Пора подводить итоги. Фира была довольна своими итогами. Счастливая женщина, если разобраться. В отличие от Ады.

Ада перемогалась. Ей хотелось чего-то еще плюс к тому, что было. Привычка убивает страсть. А хочется именно страсти, новизны и неожиданности.

Ося — хороший, положительный, прочный, лысеющий, умеющий заработать. У него уже была частная практика, хоть это и не поощрялось законом. Осе было тесновато в рамках закона, он лавировал между можно и нельзя, у него все получалось. Ося много и успешно работал, у него были шелковые руки.

Мирка завидовала, и ее слезы становились все более соленые, едкие, и можно понять: у Ады сын, семья, деньги и красота. А у нее, у Мирки, только золотая душа, которую никто не ценит.

У Ады действительно было всё, только этого мало. «Жду любви не вероломной, а такой большой, такой огромной, как в сияньи солнца океан», — серебром заливалась певица из телевизора. Ада замирала. Она тоже ждала любви не вероломной, не той, что ломает веру в человечество, а такой большой, такой огромной, как в сияньи солнца океан. Где она, такая любовь? А нету. Только в песнях.

К соседям приехала родственница из деревни, тетя Груша пятидесяти двух лет. Выглядела на семьдесят. Оказывается, работать в поле не полезно — большая нагрузка и много солнца. С точки зрения Ады, Груша была поразительно некрасива: коротенькая, никакой фигуры, лицо невозможно запомнить. Но маленькому Марику она очень понравилась. Более того, он в нее влюбился страстно, и ничего более красивого, чем ее лицо, он не видел в своей трехлетней жизни. Из глаз тети Груши на него изливались голубые, теплые лучи счастья, покоя и добра. Марик хорошо ел из ее рук и легко засыпал на ее груди.

Тетя Груша тоже влюбилась в Марика и мечтала забрать его с собой в деревню либо остаться с ним в Москве. Выбрали второе. Тетя Груша стала нянькой. Ее не надо было перепроверять. Большое дело.

У тети Груши не было своих детей, и все ее неутоленное материнство выплеснулось на Марика. Дом наполнился любовью и смыслом. А кто мог знать, что маленькая корявая тетя Груша так украсит и так осмыслит дом.

Ада пошла работать. Устроилась на телевидение в музыкальную редакцию. Фима помог, у него были связи. Какая-то польза от Фимы все-таки была.

Телевизионщики — особая каста. Туда попадаешь как в секту — и с головой. Вырваться невозможно, да и не хочется. Телевизионщики преданы делу не за страх, а за совесть. Готовы работать бесplatно.

У Ады были свои предпочтения в музыке. Она не понимала рок, не воспринимала Шостаковича. Для нее Шостакович — как железом по стеклу. Обожаала старинные романсы, совершенно не могла слушать авторскую песню. Безголосые авторы пытаются петь натужными голосами, как будто их душат. Силу голоса заменяет крик. Аде часто намекали, что она не разбирается в музыке. Но редактору это не обязательно. Главное, чтобы все бумаги были подписаны, на все песни имелось разрешение, чтобы музыканты в кадре были не пьяные, не наколотые и прилично одетые.

Сама Ада одевалась незаметно: что-то темненькое, скромное, в облипочку. Никогда не запомнишь — в чем она была. Но руки... Тонкие запястья, тщательный маникюр, ногти продольные, как миндаль, блестящие, как леденец. И кольца — на

стоящие многокаратные бриллианты голубой воды плюс старинная работа. Кто понимал, сразу видел: на руках висит состояние. И именно по рукам становилось ясно, что простая редакторша Ариадна Мороз — совсем не простая.

Шел неплохой, спокойный период: семья, работа, дружба и служба, надежная нянька, живые родители, бодрые дедушка с бабушкой — чего еще желать? Но Ада все время чего-то ждала. Как на вокзале: вокруг суета, люди, но все это временно — чужая суета, чужие люди. Придет твой поезд и увезет в другую жизнь.

Праздновали день рождения Ады. Юбилей. Двадцать пять лет. Четверть века.

Ада грустила: двадцать пять лет — конец юности, начало молодости. Молодость хорошо, но юность лучше. Однако юность ушла и сказала «до свидания». Жаль.

Ада плакала на лестничной площадке, Ося утешал. Говорил, что будет любить ее во все времена, включая зрелость и старость.

Позвонила Мирка. Спросила: можно ли привести с собой приятеля? К ней приперся приятель, и его некуда девать. Ада не стала спрашивать — что за приятель. Какая разница? Человеком больше, человеком меньше, стульев хватает, еды навалом. Бабушка уродовалась целую неделю.

Все усаживались за стол, когда в дверь позвонили.

Ада помчалась открывать. Толкнула дверь и увидела приятеля рядом с Миркой. Приятель — кра-